

Леонид Терещенков

Costica Bradatan and Serguei Alex. Oushakine, eds. In *Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia*. New York: Lexington Books, 2010. 296 p. ISBN 978-0-7391-3624-9.

Леонид Терещенков. Адрес для переписки: пр. Ленина, 33б, кв. 14, Петрозаводск, 185035, Россия. tereshenkovster@gmail.com.

Сборник «В тени Маркса» стал итогом пятилетнего проекта, начавшегося конференцией под названием «Мышление в/после утопии» (2005), посвященной обсуждению наиболее важных тенденций в философии России и Восточной Европы во времена коммунистического режима и после его краха.

Сборник состоит из четырех разделов. В первом разделе («Серп, молот и пишущая машинка») Михаил Эпштейн предлагает оригинальное введение в историю русской философии. В попытке привязать русскую мысль к философской традиции утопического мышления он находит связь прежде всего с Платоном. Эпштейн рассматривает направления «метафизических радикалов» и «концептуалистов» 1980-х годов как олицетворение двух основных движений в широком поле, которое он обозначает как «русская идеократия».

Джеффри Мюрер (Jeffrey Murer) предлагает присмотреться к динамике марксистской мысли в политических контекстах, где марксизм-ленинизм как режим «официальной философии» оставлял достаточно места для марксистской критики самого режима. Мюрер приводит два примера: Будапештской школы (в основном, Ференц Фехер, Агнес Хеллер и Георг Маркус) и группы *Praxis* в бывшей Югославии (в первую очередь, Михайло Джурич Светозар Стоянович, Михайло Маркович). В обоих случаях группы философов и социальных теоретиков инициировали «еретическое» движение, направленное против того, что они рассматривали как предательство первоначального смысла коммунизма. В главе, написанной Мюрером, подчеркивается тот парадоксальный факт, что коммунизму не всегда противостоят антикоммунисты, но иногда даже марксисты, действующие во имя самого марксизма.

Летиция Гюран (Letitia Guran) интересуется «эстетическим утопизмом» и обсуждает жизнь и творчество крупного румынского философа Константина Нойка (1909–1987), который выступал за «сопротивление через высокую культуру».

Клемена Антонова (Clementa Antonova) прослеживает, как наследие крупного русского мыслителя Павла Флоренского пережило советский и постсоветский периоды. Для советской власти он был ученым, а не религиозным мыслителем. Такая точка зрения сказалась на общественном восприятии его работ. Заново открытые в 1960 году работы Флоренского получили высокую оценку за оригинальный вклад в развивающиеся области семиотики и культурного анализа; его религиозные взгляды при этом были аккуратно вынесены за скобки. После перестройки восприятие идей Флоренского развивалось в противополож-

ном направлении. Разрабатывать его наследие стали исключительно в контексте религиозной мысли.

Во второй части книги («Еретики») авторы исследуют производство диссидентского дискурса. В главе о «тоталитарном языке» Вероника Тукерова (Veronika Tuckerová) обсуждает ответы трех исследователей на вопрос о политическом использовании языка в тоталитарном контексте: Вацлава Гавела, чешского литературного критика Петра Фиделиуса и Джорджа Оруэлла. Эти авторы рассматривали проблемы языковой манипуляции, нарушения порядка языка и в итоге лингвистической агрессии, которой систематически подвергался человек, живший в тоталитарном государстве.

Глава Костика Брадатана (Costica Bradatan) посвящена философскому мученичеству в XX веке, которое рассматривается на примере Яна Паточки. Из-за участия в движении «Хартия-77» и последующего допроса в полиции, Паточка оказался в ситуации, когда самый убедительный аргумент, который он может использовать, – это его собственное тело, тело умирающего. Умирая мученической смертью, Паточка помог чехословацкому диссидентству гораздо более значимым и эффективным способом, чем это могли бы сделать только его философские труды и домашние семинары. Следуя по стопам Сократа, Гипатия, Джордано Бруно и Эдит Штайн, Паточка сделал из собственной смерти не только значительное событие биографии, но также и важный аргумент в своей философской работе, ставший способом проверки правильности своих идей.

Натаса Ковацевич (Natasa Kovacevic) изучает ориентализацию восточно-европейских коммунистических режимов во время холодной войны через призму творчества Иосифа Бродского, Чеслава Милоша и Милана Кундеры. В ее прочтении использование ориенталистских стереотипов у этих авторов выдает определенное чувство тревоги и попытку освободиться от стереотипов культурной отсталости. Чтобы показать все то, что случилось в их странах, как «нестественное» и «аберрантное», они придали азиатский характер России и «отодвинули» ее на восток, насколько смогли.

Третий раздел книги («В поисках [новой] миссии») соединяет интеллектуальные тенденции, зародившиеся до краха коммунизма, с посткоммунистическими. В своей главе Сергей Ушакин (Serguei Alex. Oushakine) исследует «соматический национализм» провинциальных русских социологов. Социологи, работающие в жанре «этноисторической травмы», ищут решения проблем России через постоянное переписывание ее прошлого, демонстрируя нерусский характер государственных учреждений, и, соответственно, антирусскую природу политики этих учреждений. Вторая тенденция – «этновитализм» – имеет целью обеспечение аналитики этнического выживания, которая могла бы «компенсировать потери культурного генотипа» русского народа. Борьба за интерпретацию народной памяти о прошлом, столь характерная для травматической этноистории, заменяется в этновитализме аналогичной борьбой за интерпретацию восприятия текущего опыта нации.

Мария Тодорова (Maria Todorova) обращает внимание на идеологическое происхождение категорий «Балканы» и «Восточная Европа». Когда постсоциа-

листическая история региона изучается в рамках постколониальной теории, эта специфика терминологии часто не учитывается. В результате постколониальные стратегии и дискурсы используются как прикрытие для националистически окрашенной ностальгии.

В статье Елены Гаповой (Elena Garova) показано, как белорусская интеллигенция производит дискурсы, дистанцирующие от нее «народ», но при этом утверждает, что представляет именно его. Приверженность интеллигенции к покровительственной риторике может указывать на особую форму тревоги, производимую разобщением обычной связи между властью и знанием, которое было так распространено в советское время. Не имея возможности навязать свою «эпистемологическую гегемонию» политическими средствами, интеллигенция утверждает собственное моральное превосходство в качестве конечной опоры.

В последнем разделе книги («Обновленная надежда») обсуждается, какое влияние оказал крах коммунизма на формирование посткоммунистического идеологического, политического и интеллектуального ландшафта в 1990-е годы. Владимир Тисманеану (Vladimir Tismaneanu) изучает ряд нелиберальных дискурсов и националистических тенденций, заполнивших пустое идеологическое пространство, которое возникло в связи с кончиной ленинизма в Центральной и Восточной Европе. Он настаивает на главенствующей роли гражданского общества как основного средства для выработки идеалов демократического политического сообщества.

Статья Ивара Иябса (Ivars Ijabs) фокусируется на важности философского понятия «гражданское общество» для создания здоровой общественной атмосферы в Восточной Европе после краха коммунизма. Интересно здесь понятие «политика подлинности»: политическое участие гражданских активистов должно быть основано на той или иной форме личной «правдивости» участников. Иябс инициирует диалог с работами Вацлава Гавела и Чарльза Тейлора по этике достоверности и высказывает ряд общих соображений о построении гражданского общества в Восточной Европе.

Наконец, Аурелиан Крэйцу (Aurelian Crăițu) посвящает последнюю главу книги политической философии, разработанной современным румынским философом Михаем Шорой. Здесь рассматривается теория подлинности и отчуждения Шоры, его философия диалога и гражданского общества.

В целом настоящий сборник служит своеобразным итогом четвертьвекового изучения тем, открытых в период перестройки 1985–1991 годов. Борьба интеллектуалов за гуманистический социализм или за гуманизм против социализма, возвращенные имена, лики и маски постсоветского национализма, андеграунд и концептуализм – традиционные вехи для современных гуманитариев, пытающихся постичь специфику советского исторического опыта. Критиковать «In Marx's Shadow», несмотря на отсутствие на его страницах научной новизны, представляется задачей весьма трудной. Сборник утоляет коллективную ностальгию постсоветских интеллектуалов по своему прошлому, понятому как прошлое историческое. И в таком виде он имеет и внятного референта, и своего читателя. Авторы размышляют о себе и людях своего круга. Размышляют

несколько по-новому, берут в союзники Мишеля Фуко, но общий настрой остается тем же, что и в 1989 году.

На наш взгляд, история позднесоветской эпохи требует нового прочтения, и такое прочтение возможно только с учетом появления новых социальных сил. В настоящий момент остро необходимо понять, кто и чему будет учиться у советского прошлого. Учиться, прежде всего, политически. Поэтому было бы интересно изучить современную жизнь позднесоветских и постсоветских идей и теорий, а также эксплуатацию памяти об интеллектуалах, теоретиках и диссидентах в более тесной связи с социологией нынешних протестных групп и философских кружков и их интеллектуальной продукции.